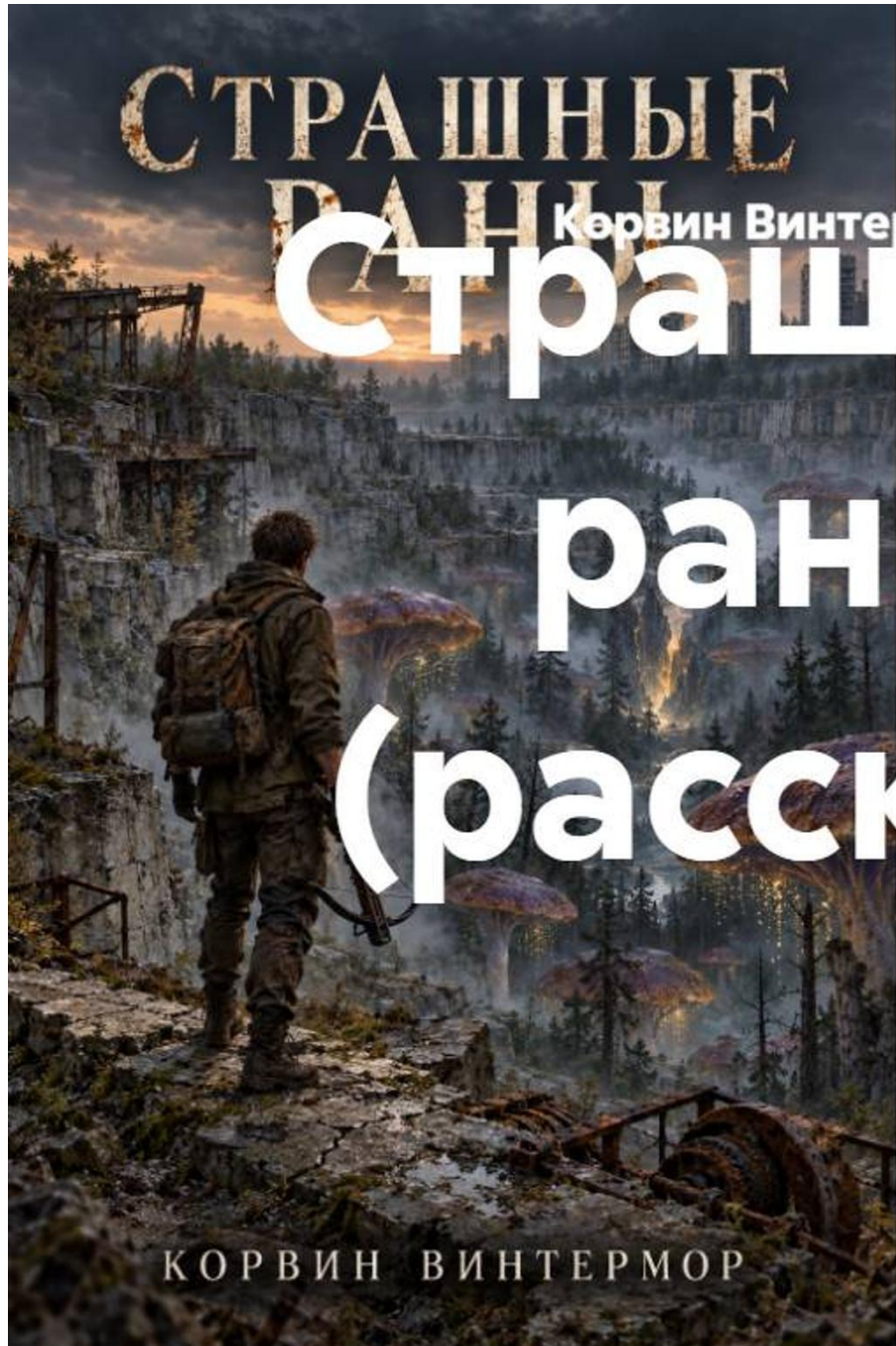

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Корвин Винтермор
Страшные раны (рассказ)

«Автор»

2026

Винтермор К.

Страшные раны (рассказ) / К. Винтермор — «Автор», 2026

Двести двадцать два года назад оружие предков выжгло города и оставило Раны, из которых до сих пор выходят твари. Матвей зарабатывает на жизнь вылазками в развалины. Медь идёт на продажу, редкие уцелевшие вещи — тоже, если не прибережёт что-нибудь интересное для матери. Денег хватает на корм для скотины, а вот крышу залатать всё никак не удаётся. Когда в посёлок приходит слух о городе, где научились закрывать Раны, Матвей отправляется на юг. С собой — арбалет, старая карта и еды на несколько дней. Он привык уходить с дороги до темноты. Но на этот раз Рана открывается днём.

Содержание

Рассказ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Корвин Винтермор

Страшные раны (рассказ)

Рассказ

Глава 1. Новые байки

Посёлок Гребенки встречал сумерки так же, как встречал их последние двести двадцать два года после Дня Ожога. А может, и все шестьсот сорок лет со своего основания: дымом из труб, скрипом ворота у колодца и голосами пастушков, гнавших коров с лугов у Протоки. Собаки лаяли на всякого, кто шёл по дороге, даже на своих.

Матвей, которого в посёлке прозвали Угольком, стоял у прилавка старосты и смотрел, как тот перебирает добычу. С северных окраин он редко возвращался чистым, так что прозвище его давно не обижало.

На прилавке лежали куски толстой меди, снятые из старого распределительного шкафа, моток телефонного кабеля и три целые бутылки из тёмно-зелёного стекла. Бутылки Матвей нёс в рубаше, переложив тряпками: такого стекла в Гребенках никто не делал, а привозное стоило столько, что покупали его разве по праздникам.

Староста сначала взял медь. Кабель покрутил в руках, поморщился, зато на бутылках задержался.

— Много за это не дам.

Он назвал цену. Матвей забрал одну бутылку с прилавка.

— Тогда её оставляю себе.

Староста вздохнул и добавил серебряную монету. Матвей вернул бутылку, подождал, пока тот отсчитывает остальное, и убрал деньги за пазуху. На корм хватит, на гвозди тоже. Дранку для крыши ещё придётся покупать, а до холодов хотелось закончить с протечкой над кладовой. Прошлой осенью они едва успели убрать мешки, прежде чем их залило.

На дне мешка лежала завернутая в тряпки хрустальная ваза для матери. Матвей нашёл её в шкафу, заваленном кирпичом. Ваза уцелела, даже край не откололся. Он завернул её отдельно и всю обратную дорогу боялся придавить чем-нибудь тяжёлым.

Когда Матвей вышел на площадь, возле трактира уже стояли люди. Кто-то приехал изда-лека: иначе в такой час половину Гребенок из домов было не вытащить.

Странник сидел на бочке и ел похлёбку. На нём была рубаша из плотной белой ткани, запачканная в дороге, но почти без штопки. Отложив ложку, он принялся рассказывать о далёком южном городе.

— Там учёные будто бы разобрались, откуда взялись Раны. Говорят, даже закрыть их можно.

— За похлёбку и не такое расскажешь, — сказал кузнец Богдан.

— Может, и соврали мне, — ответил странник и снова взялся за ложку. — Порт там отстроили, книги собирают. Если кто и станет копать в старом мире, то у них люди на это есть.

Матвей слушал из-за чужих плеч. Странника расспрашивали про цены и дороги, про Раны больше никто не вспомнил. Матвей дождался паузы и спросил, далеко ли до того города. Впереди заговорили сразу двое, и странник его не услышал. А часть интересующей информации он получил слушая через ответы на чужие вопросы.

Когда странник доел, трактирщик позвал его ночевать. Матвей ещё постоял у крыльца и пошёл домой: мать ждала к ужину.

Она открыла дверь, прежде чем он постучал. Матвей снял мешок, вынул вазу и поставил на стол. Мать взяла её обеими руками и повернула к огню.

— Как ты её донёс?

— Очень медленно.

Она улыбнулась, провела пальцем по резному краю и отнесла вазу на полку. Матвей высыпал монеты на стол. Мать пересчитала их и отложила те, на которые можно было купить корм. Остальное оставила для крыши.

У него дома хранилась жестяная коробка с фотографиями. Он подобрал её вместе с первыми снимками в двенадцать лет, в квартире разрушенного города, куда пробрался через окно. Потом снимков набралось больше. Целые высотные дома, автомобили, освещённая платформа под землёй. На одном снимке люди стояли у самолёта; Матвей долго не верил, что эта махина могла подняться в воздух.

На обороте нескольких карточек значился 2029 год. Такие же даты встречались в обрывках газет, которые он приносил из города. Ни одной более поздней даты ему не попадалось. О Дне Ожога рассказывали со слов чужих дедов.

Ночью Матвей долго не засыпал. Из кладовой тянуло сыростью; после следующего дождя придётся опять двигать мешки. Он знал, где на севере ещё можно поискать металл, но туда не стоило ходить одному. На окраинах уже попадались твари, а ближе к большому городу Раны встречались и среди домов. Южные развалины, куда он обычно навевывался, давно вычистили такие же добытки. Дальше по той дороге Матвей ни разу не забирался.

Он достал из-под кровати карту и разложил на столе, прижав флягой истёртый сгиб. На ней за южным городом шли ещё посёлки, дороги и место, где был обозначен карьер. Карта могла врать: за двести лет многое исчезло. До Жашкова он дорогу знал. Дальше, судя по рассказам странника, ещё ходили обозы. За Жашковым он ещё ничего не искал. Можно пройти дальше, а у обозников расспросить про город у моря.

Он собрал арбалет, два десятка болтов, нож, флягу и еду на первые дни: хлеб, вяленую курицу, несколько яблок. Проверил огниво, убрал в котелок леску с крючками и завернул всё в запасную рубаху. Потом открыл жестяную коробку, выбрал два снимка — с высокой улицей и самолётом — и сунул их между листами карты, чтобы не помялись. Остальные фотографии остались дома.

На рассвете Матвей старался обуваться тихо. Мать всё равно вышла из комнаты и увидела карту у него на коленях.

— Куда на этот раз?

— За Жашков. Посмотрю, что там осталось. Если найду обоз до того города у моря, пойду с ним.

Она присела рядом.

— Это надолго.

— Может, на месяц. Может, больше. С попутными передам.

Мать помолчала, потом принесла ещё хлеба. Пока Матвей укладывал его в мешок, надела ему на шею маленькую ладанку. Шнурок зацепился за ворот, и она поправила его.

— Мне лучше выйти сейчас.

— Будь осторожен.

Она обняла его и поцеловала, как делала перед каждым его выходом из дома.

Глава 2. Грибная начинка

На четвёртый день Матвей оставил Жашков позади. До него он уже доходил; дальше на юг и смысла не было соваться. Первые дни удавалось проходить почти по тридцать километров, теперь он едва набирал двадцать. Приходилось подолгу высматривать проход между посадками и обходить дома, в которых мог кто-нибудь затаиться.

Он шёл по старому шоссе, пока его было видно, а возле селений сворачивал на тропы. Ночевал под крышей только один раз, в сарае без двери; в остальные вечера выбирал сухое место подальше от дороги. Огонь разводил маленький и гасил сразу после еды. В котелке оставался жир от последней птицы, которую он подстрелил ещё в знакомых местах. Потом в ход пошли хлеб и вяленое мясо.

На седьмое утро показался город. Сначала Матвей разглядел верхние этажи домов над деревьями, затем — провалы между ними. Там, где прежде шли улицы, выросли деревья, но дома всё ещё стояли, тесно и высоко. Задолго до окраин заложило уши. Матвей остановился и прислушался. Давило со стороны города. Возле старых Ран всегда так закладывало.

По карте можно было срезать через город и выйти к южным дорогам. Он обошёл город с востока, по полям.

К полудню дома остались за спиной и справа. Дорога петляла между заросшими полями. В одном месте она вышла к лесу, в другом пришлось обходить мокрую низину, где под травой ещё угадывались колеи. В низине сапог провалился в скрытую травой колею; дальше он прощупывал землю подобранной веткой.

Впереди открылся карьер. Сквозь кусты виднелись два ступенчатых откоса. С дороги нельзя было разглядеть дно. Над кустарником поднимались шляпки грибов, большие, будто кто-то разбросал на уступах выцветшие зонты. Под одной шляпкой могла бы поместиться их телега.

Он собирался обойти карьер и найти место для ночлега, когда под подошвами дрогнула земля.

Следом пришёл низкий гул. Матвей оглянулся на небо: солнце ещё стояло высоко. Знакомые ему Раны ночью раскрывались, а с рассветом стягивались до едва заметной щели. Гул в таких местах оставался и днём. Про незатахивающие разрывы тоже рассказывали. Только здесь ещё минуту назад было тихо.

Со стороны леса тяжело хрустнула ветка. Между стволами воздух потемнел и пошёл рябью. Матвей сдёрнул арбалет с плеча, но целиться было не в кого. Сначала из ряби показалась одна голова, за ней другая. Твари выбирались на дорогу одна за другой, перебирая длинными передними лапами. У ближайшей пасть разошлась почти до ушей. За спинами мелькали хвосты.

Матвей попятился к карьеру. Их уже было шесть, может, семь, и за первыми что-то ещё двигалось. Перезарядить арбалет ему бы не дали. На дороге не было ни стены, ни ямы, где можно было задержать их хотя бы на несколько секунд.

Он выстрелил в ближайшую. Болт вошёл ей в плечо, тварь споткнулась, тут же вскочила и рванула дальше. Матвей прыгнул с дороги на осыпавшийся уступ. Камни поехали под ногами; он съехал вниз боком, ударился коленом и побежал к большим грибам. Они росли плотнее ближе к середине и по дну карьера. Между толстыми ножками, по крайней мере, можно было петлять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.